

ношения к советской общественности. Этот орган определил новую стратегию социальной помощи, исходя из задач построения социалистического общества [1, с. 345].

Историки Н. Лебина и П. Романов считали, что характерной чертой советской социальной политики 1920-х годов являлась ее регламентирующая и контролирующая направленность [3]. Появились социальные нормы, которые были присущи советскому народу. Такие социальные нормы могут быть и нормами права, и закрепляться в государственных актах, постановлениях, законах. Для обеспечения выполнения социальных норм применялись меры государственного принуждения. Например, на VIII съезде РКП(б) в 1919 году подчеркивалось: «В области социального обеспечения РКП стремится организовать широкую государственную помощь не только жертвам войны и стихийных бедствий, но и жертвам ненормальных общественных отношений ведет решительную борьбу со всякого рода паразитизмом и тунеядством и ставит своей задачей вернуть к трудовой жизни каждого, выбитого из трудовой колеи» [5]. Из этого можно констатировать, что правительство планировало вести борьбу с людьми, не желавшими работать. Каждый советский человек обязан работать и вносить определенный вклад в общество, это являлось нормой для советского человека.

Таким образом, революционные события 1917 г. Вызвали изменения системы государственного и социального строя в стране. Лишь с момента становления Советской власти социальная политика начинала приобретать государственный характер.

Становление социальной политики – это длительный и довольно тяжелый процесс. Год за годом он развивался и претерпевал изменения. Во-первых, был сформирован управленческий орган, который регулировал и контролировал работу социальной политики. Во-вторых, были созданы отделы по социальному обеспечению. В-третьих, были разработаны механизмы реализации государственной социальной политики в СССР. Во многом в становлении и развитии государственной социальной политики способствовала А.М. Коллонтай. За небольшой промежуток времени она смогла хорошо организовать деятельность своего наркомата и дать толчок для дальнейшего развития социальной политики СССР.

Литература

1. Винокуров А. Н. Ленин и социальное обеспечение. – М., 1957.
2. Долидович О. М., Катцина Т. А. Становление системы социального обеспечения под руководством А.М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской Империи к пространству публичного советской России // Журнал исследовательской социальной политики. – 2011. – Т. 9. – № 2. – С. 259-260.
3. Романов П. В., Ярской-Смирнова Е. Р. Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в. // Журнал исследований социальной политики. История социальной работы. – 2005. – Т. 3. – № 2.
4. Сухоруков М. М. Модели социальной деятельности России в переходный период (февраль 1917-1921 гг.). – М., 1998.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Том 38. VIII съезд РКП(б). – Режим доступа: <http://leninism.su/works/77-tom-38/1305-viii-sezd-rkpb.html> (дата обращения: 20.04.2018).

УДК 281.9470.5

А. О. Ярославцева

студентка 4 курса географо-биологического факультета, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Российская Федерация, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26;
e-mail: anyar96@yandex.ru

СТАРООБРЯДЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ КАК ПРИМЕР ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ УРАЛА

Автор статьи обратился к теме старообрядчества, в его региональном проявлении. В статье ставится проблема сохранения его историко-культурного наследия, т. к. старообрядчество сформировалось как субэтнос с особой организацией быта, морально-нравственным климатом, приверженностью к здоровому образу жизни, придав разнообразие характеристике русского народа. Непосредственное знакомство с лучшими чертами образа жизни староверов возможно через посещение памятников их культуры на территории Свердловской области и общение с носителями старообрядческих традиций.

Ключевые слова: культурное наследие, памятники культуры, старообрядчество, церковь.

А. О. Yaroslavtseva

4th year student of the faculty of Geography and biology, Ural state pedagogical University

OLD BELIEF IN THE MODERN WORLD AS AN EXAMPLE OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE URALS

The author addressed to the topic of old belief in its regional manifestation. The problem of preservation of its historical and cultural heritage are raises in the article, as the old belief was formed as a sub-ethnic group with a special organization of life, moral climate, commitment to a healthy lifestyle, giving a variety of characteristics of the Russian people. Direct acquaintance with the best features of the old believers 'way of life is possible through visiting the monuments of their culture in the Sverdlovsk region and communicating with the carriers of old believers' traditions.

Keywords: cultural heritage, cultural monuments, old belief, Church.

Существование на современном этапе старообрядчества – в той форме, в которой оно смогло сохраниться – можно считать явлением уникальным. Сегодня старообрядчество продолжает существовать как самобытная, устойчивая к изменениям культура.

Как известно, проведенная в 1654 году патриархом Никоном, церковная реформа породила раскол русской православной церкви и общества в целом на противников и сторонников реформы. После окончательного оформления раскола на церковных Соборах 1666–1667 гг., часть общества, несогласная с официальной доктриной, проводимой патриархом, взяла курс на изоляцию. В европейской части России были созданы обособленные общины несогласных, впоследствии они появились на территории Сибири и Урала. Постепенно сформировалось особое социокультурное старообрядческое пространство.

Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления своеобразия этой общности, способствовавшей сохранению доникониаского образа жизни и экономическому процветанию уральской глубинки. Подобная роль раскольников была обусловлена особым комплексом морально-нравственных ценностей, направленных не только на духовное совершенствование человека, но и сохранение здорового образа жизни. Продвижение подобного историко-культурного наследия в современных условиях может быть использовано в воспитательно-патриотической работе с молодежью. В этой связи одним из средств популяризации положительных черт жизни старообрядцев Урала мы видим в изучении и широким знакомством земляков с этим особым субэтносом русского народа в том числе через экскурсионную работу по историко-географическим памятникам края.

Проблема старообрядчества нашла отражение в исторических, культурологических, религиозно-ведческих исследованиях. На протяжении второй половины XIX и в начале XX века был издан ряд письменных памятников и материалов по истории старообрядчества под редакцией В. Г. Дружинина [3], Н. И. Субботина [7].

Аналитические труды по истории российского старообрядчества принадлежали А. С. Пругавину [8]. В перечне наиболее актуальных вопросов в его исследованиях были численность староверов, веротерпимость к ним, функционирование радикальных старообрядческих согласий. Надо отметить, что работу А. С. Пругавина можно квалифицировать скорее как источник, в большей степени она содержала событийную, а не аналитическую информацию. В работе был использован общероссийский материал, автор не затронул староверие уральского региона.

Региональные исследования уральского старообрядчества появились в связи с антирелигиозной кампанией конца 1920-х годов. Сначала появились агитационные и пропагандистские труды, содержавшие многократно повторяемые утверждения о церковной контрреволюции и реакционной роли религии, помогавшей зажиточной верхушке удерживать в темноте и бесправии трудящихся Урала и Сибири. В них преобладал тон, заданный атеистическими изданиями типа «Безбожник», которые были сориентированы на просветительство «одурманенных» религией масс.

К числу фундаментальных работ по истории уральского старообрядчества можно отнести труд специалиста по истории урало-сибирского старообрядчества XVII – первой половины XIX вв. В. И. Байдина [1; 4], а также диссертационное исследование Ю. В. Боровик [2]. В этих работах были введены в научный оборот новые источники, авторы уделили внимание вопросам идентификации конкретных носителей старообрядческой культуры и идеологии, определению социально-экономических характеристик видных деятелей староверия.

К богатому фактическому материалу, представленному В. И. Байдиным в исследовании «Старообрядчество Урала и самодержавие в конце XVIII – середине XIX вв.», часто обращаются вплоть до настоящего времени. В данной работе в достаточной мере было обращено внимание на староверческую географию Свердловской области [1, с. 8, 12].

Объектом предлагаемой работы является старообрядчество Урала.

Предметом исследования являются старообрядческие памятники Свердловской области.

Приступив к работе над темой, автор представил свою миссию в определении и сохранении морального и нравственного облика старообрядчества через призму историко-культурных старообрядческих мест Свердловской области на современном этапе исторического развития.

На территории Урала расположено несколько десятков памятников старообрядчества, автор сосредоточился на более детальном изучении наиболее важных старообрядческих мест, с точки зрения их «популярности», которая подтверждается ежегодно совершающимися паломничествами.

Прямо на берегу озера Таватуй, на каменистом холме находится старое старообрядческое кладбище. Оно было заброшено, пока в начале 2000-х годов активисты общества «Спасем Таватуй» не узнали, что на его месте собираются устроить пляж, и не начали бороться за сохранение кладбища, как исторического памятника.

Кладбище является одним из особо почитаемых мест старообрядческой культуры, ежегодно паломники со всего Урала посещают это место, а, значит, оно помогает сохранить историческую память, показать, что старообрядчество не далекое прошлое, а часть реальности. Такая преданность делу предков тоже является средством патриотического воспитания.

Теперь над деревянной калиткой у входа висит табличка: «Помедли, путник, Христа ради, / Склони в смиреннии главу. / Стоишь в местах большой отрады / Ты не во сне, а наяву. / Вот здесь, под нашими ногами / Сияет святостью земля, / Здесь подвиг свой несли годами / Те, чей приют – леса, поля. / Презрев покой, утечи мира, / Всю жизнь в молитве и посте / Они стремились быть достойны / Того, Кто умер на Кресте». Эта надпись демонстрирует высокую самооценку старообрядцев как в прошлом, так и в начале XXI века, как хранителей истинной веры, несмотря на гонения и притеснения, их готовность.

Над озером возвышается поклонный крест-голубец – принятый у старообрядцев восьмиконечный крест без распятия, с двускатной крышей. Возможности получить достоверную информацию о том, кто был священник, освятивший крест не представляется возможным.

На кладбище еще несколько таких крестов поменьше. На перекладине одного из них нацарапано «Погребено тело», на другом прикреплен дощечка: «Здесь покоятся видные деятели уральского старообрядчества XVIII века – наставник Поморского согласия, писатель, рудознатец Гаврила Семёнов Украинцев, 1675 – 6 марта 1750 г., наставник Поморского согласия Игнатий Семёнович Воронков, старица Анна Никитишна Павлова».

В окрестностях озера Таватуй, по рассказам местных жителей, живет одна из последних старообрядцев, автору удалось взять у нее интервью. Нина Афанасьевна Манина поведала историю своей жизни, которая тесно связана со старообрядчеством.

«В детстве дедушка говорил, – вспоминает Нина Афанасьевна, – молитесь дети, зачем ходить в церковь, лучше молиться дома. Мой дедушка в голодные годы ловил кротов и продавал их в Невьянске. Денег было мало, поэтому жили бедно. У нас у всех была своя посуда и даже, если приходили соседи или гости, для них лежала отдельная посуда. Золото не носили, у всех были украшения из необработанных камней, дерева или серебра. Я помню, как красиво пел хор в нашей часовне так, что слёзы наворачивались. Я и сейчас некоторые молитвы помню. У православных нынешних они совсем другие. Меня звали петь в церковь их, я отказалась, говорю им: «Меня мама крестила и крестик мне подарила и другой веры я не приму». Помню, что на похоронах пели два часа, а если умирала молодая девушка, то в часовню носили бусы, платки, куклы. А потом пришли коммунисты. У нас тут пекарня так помню Шабаетов топором иконы рубил и в печь кидал».

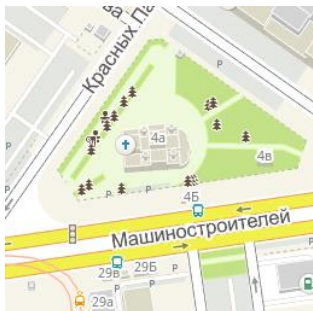
Из рассказа Нины Афанасьевны мы можем представить, как жили ее единоверцы, как относились к жизни и вере. В быту они придерживались строгого аскетизма, роскоши избегали. К чужакам относились настороженно, сказались память былых гонений. Даже в отношении своих единомышленников придерживались традиции «чашничества», то есть в доме у каждого была персональная посуда, для мирских предназначалась другая, «поганая» посуда, которую после пользования уничтожали. Для единоверцев в доме хранился особый комплект посуды. В старые времена представители официального православия воспринимали такую закрытость как высокомерие или даже жадность. Мы же понимаем, что подобное поведение было вызвано стремлением к сохранению своей конфессиональной культуры, демонстрации своих отличий, а также соблюдению санитарно-гигиенических норм.

Нина Афанасьевна достаточно деликатно отозвалась об официальной православной церкви, однако общий тон и контекст ее рассказа позволяют сделать вывод, что века противостояния не сократили сложившуюся пропасть.

В Свердловской области, по словам старообрядцев, существуют около десяти староверческих храмов и церквей, но их функционирование весьма затруднено или даже приостановлено в связи с

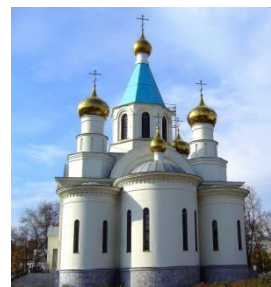
отсутствием обученных иереев для проведения служб. Всего несколько священников ведут службы в самых крупных или сохранившихся храмах Свердловской области.

Точное количество церквей и храмов установить затруднительно, ввиду закрытого образа жизни староверов. В России существуют около 353 церквей и храмов [5]. Основной церковью для староверов Свердловской области является церковь Рождества Христова (г. Екатеринбург, улица Машиностроителей, 4а), чей настоятель, протоиерей Владимир Зязев, является духовным покровителем всех староверческих церквей и храмов в Свердловской области в виду отсутствия других кандидатур.

Закладка храма была произведена 30 сентября 1996 года. Строительство велось быстрыми темпами, и его открытие состоялось 7 января 1999 года, в праздник Рождества Христова.

19 сентября 2000 года в честь 2000-летия христианства возле входа в Храм была установлена бронзовая статуя Архангела Михаила высотой два с половиной метра и весом более двух тонн. Отливка статуи была произведена на Уралмаше. 23 сентября монумент был освящён патриархом Алексием II. В настоящее время приход – один из крупнейших в Екатеринбургской и Верхотурской епархии [6].

Церковь действующая, автор посетил церковь Рождества Христова и взял интервью у священника церкви иерея Павла, он рассказал: «В данный момент в Свердловской области пять действующих храмов. В Екатеринбурге – один. На пять храмов только четыре священника. Ещё четыре храма строятся. В среднем церковь посещают 50-100 человек. Служба начинается в 4 часа. Мы почитаем святых, включенных в общий список до 1653 года (до церковного раскола)». К сожалению, более подробной информации я получить не смогла. Следует отметить, что иерей находился в состоянии нервного напряжения от общения с автором статьи, так как платок, обязательный атрибут женской одежды, был повязан не по-старообрядчески. Священник, видимо, недоумевал о причинах повышенного внимания, сработала привычка к настороженности по отношению к чужакам.

На основе результатов исследования можно сделать вывод, что культура старообрядцев Урала представляет сложный комплекс традиций и новаций, формирование которого зависело от множества причин социального, религиозного, исторического характера, а также от реального этнокультурного окружения.

Принципиальный традиционализм определил все стороны жизни старообрядцев, способствовал консервации в их среде наиболее древних пластов русской народной культуры. Этим было обусловлено образование целого ряда дифференцирующих признаков данного субэтноса. Архаические элементы, сохранившиеся как в духовной, так и в материальной сфере жизнедеятельности старообрядцев, служили признаками, выделявшими последних из общей массы русского населения региона [5, с. 24].

На данном этапе истории старообрядцы представляют наиболее консервированный историко-культурный компонент, позволяющий нам изучить русскую культуру в полной мере, непосредственно прикоснуться к тем ее элементам, которые еще в XVII веке для большинства русских ушли в далекое прошлое.

Литература

1. Байдин В. И. Старообрядчество Урала и самодержавие в конце XVIII – середине XIX вв. – М., 1983. – 228 с.
2. Боровик Ю. В. Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох, 1905–1927 гг. – Екатеринбург, 2003. – 321 с.
3. Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. – СПб., 1912. – 534 с.
4. Палкин А. С., Байдин В. И. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика: монография. Сер. Библиотека журнала QUAESTIO ROSSICA ред. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. – 338 с.
5. Старообрядчество в современной России. – Режим доступа: http://ruvera.ru/articles/staroobryadchestvo_rossii (дата обращения: 23.04.2018).
6. Храм Рождества Христова г. Екатеринбург. – Режим доступа: <http://ekbhramrojdestva.cerkov.ru/> (дата обращения: 23.04.2018).
7. Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. – М., 1875-1887. – 433 с.
8. Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. – М.: Типография И. Д. Сытина, 1904. – 280 с.